

Валерий Халыпин

Халыпин Валерий Халыпин Валерий Халыпин Валерий Халыпин Валерий Халыпин

три-вы-я • три-вы-я • три-вы-я • три-вы-я

Воймега

серия «приближение»

валерий халяпин

ТРИ-ВЫ-Я

Москва
«Воймега»
2006

УДК 821.161.1-1 Халяпин
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
X17

В. Халяпин

X17 Три-вы-я. – М.: Воймега, 2006. – 84 с. –
(серия «Приближение»).

ISBN 5-7640-0026-2

© В. Халяпин, 2006.
© С. Труханов, оформление, 2006.
© А. Переверзин, автор проекта, 2006.
© «Воймега», 2006.

trivia

Три-вы-я

а давайте бегать по ступенькам
вверх вниз влево вправо
кататься по перилам
целоваться в пролётах
кувыркаться в розовом свете
незабудки в конвертах
какие мы красивые
пушистые белые
чисто вымытые
гладко выбритые
набриолиненно
счастливые

а вот посмотрите
собака лижет пьяному лицу
пока тот бьёт её по морде
я же на четвереньках
как и ты на коленях
перед тобой на коленях прошу
вот она синяя речка
перегрызи её устье
высохло море и кончился дождь
я думал что счастье
это рыба и свежее мясо
в трюме пиратского брига
а оно нисколько не рыба
и совсем не мясо
а наглухо задраенная дверь
вся в трещинах царапинах
и сломанных ногтях
не просочиться

а мы юбочки джинсики
стрелки кружавчики
стильные модные
у каждого ключик
и мелочь в кармане
но я всё забыл
и не помню где помнить
мы лучше бочком бочком
двери-то грязные и далеко
а мы белые все и пушистые
прыг-скок чик-чирик
потом спросим в газетах
сто вопросительных знаков
по ком звонил колокол
на юге востоке севере западе
спросим и улыбнёмся
на юге востоке севере западе
ура не по нам

задумался — а что я умею?

итак

я умею

спать моё основное умение
солгать если нужно
пройдя мимо протянутых рук лить слёзы над книгой
притвориться что мне хорошо
слушать неважно что и кого лишь бы негромко
сложить песню как средство
против коррозии струн
помнить последнее стихотворение
складывать столбиком
думая что это круто
оправдать самого себя

вот и всё
знаю не густо

а сумею ли я
смогу ли

не знаю

• • •

Вот скажите — какая разница:
стоптанный или новый?
Четыре дырки или две?
Самогон или коньяк?
Всхлипы в темноте
или надень тапки?
Умытый или смытый?
Вкусный или нужный?
Какая, к чёрту, разница?!

А разница в том, кто ты,
когда тебя никто не видит.
Или, как мне тут подсказывают
этикетки на бутылках,
насколько ты выбрит,
когда на тебя смотрит кот.

industrial

оглохшие дети
слепыми глазами
на ощупь искали
погасшее солнце
иголка без нитки
пришитые пальцы
застывшие птицы
и сломанный ветер
а в шахматном небе
морские ракушки
луну собирают
в пустые глазницы
учите на память
конструкцию спички
концепцию света
и слово «любимый»
последнее впрочем
зависит от вкуса
и спелости яблок

реквием старому дубу

вот он дуб
старее этого города
старее деда-смотрителя
старее его сыновей и внуков

вот он стоит
без птиц
гнезда разорены
чтобы смотрелся лучше
без листьев
оборваны живые сучья спилены
без души
в дупло залит бетон
чтобы не гнил раньше времени
чёрный
подкрашен местами
страшный
в своём одиночестве

вот он стоит
древний богатырь
пятнадцать метров в обхвате
вот он стоит
мёртвый

ура мы высшая раса
мы всё присвоили себе
у нас исключительные права
на **эту** жизнь
на **эту** смерть
и даже на **этого** Бога

• • •

камень утонул
лежит на дне реки
круги на воде
деревья в дрова
превращает сосед
песни опилок
отец бестолково
машет руками
открытая дверь
пальцы и смятый платок
мать и старенький халат
на кухне кипит чайник
слепые глухие немые
не видим почему
не слышим поэтому
застряли между тем и этим
забытые вещи на чердаке
причин и следствий

детская считалка для взрослых

феникс не родился
икар не полетел
мир не изменился
остались не у дел

мечты желанья
мысли чувства
в которых надо
было убежать скорей
в тетивах перетёрлись стрелы
и некому стрелять
и не в кого опять
зелёная трава
засеяла мне душу
засмеялась ядовитым цветом
и превратилась в дуб
в ветвях которого
я свил себе гнездо
я счастлив
я свободен

я сжёг последнее перо

В ТЕМНОТЕ

ах как скользко ах как больно
падать на бок спотыкаться
жить неровно не сдержаться
раскрошиться разломаться
вытирать о кожу дождь
целлофановые струи
запакуйте меня в небо
в бандероли льда и снега
крепче узел мне не больно
и оставьте в темноте
я усталая планета
дно стакана сигарета
освещаю пятый угол
где лежат мои желанья
полусгнившее тряпье
в зеркале бастуют лужи
разевают рты канавы
просят слова пешеходы
я давно тебя не видел
погасите жёлтый цвет

*и я остался в темноте
не потому что я боюсь
и не потому что мне плохо
а потому что я не притворяюсь*

В ТЕМНОТЕ

роза

Дмитрию Коро

кляксой кровавой
выпала из букета
распласталась
на гладком асфальте

мёртвое в мертвом

у меня есть друг
женатый двое детей
всё как у всех
который никогда
никому не дарил
срезанных цветов
полагая что живым
дарят живое

одуванчиковое поле
например
или васильковое

какой чудак

в бетонных альбомах
мусорные баки тайком
собирают гербарий

песчинка

приходит домой
«быстрее ужинать»
потому что в шесть
любимое кино

Одна

тискает кошку
смотрит на телефон
подходит к окну
поливает цветы

Из

скажи откуда
столько листьев
разбросанных по дому
из песни о клёне

Многих

ты сама посмотри
все так живут все
ночью в домах
окна светятся жёлтым

*но вряд ли кто знает
что у неё есть секрет*

родинка в форме бабочки

*когда в пустыне
затихает ветер
она порхает*

распродажа

- Эй, все сюда! Быстрее!
Занимайте очередь!
Скорее, пока всё не разобрали!
- *А что дают?*
— Эмоции и чувства.
- *Почём они сейчас?*
— Любовь идёт по тыще,
За честность просят двести,
Милосердие — пятьсот,
А радость — просто даром!
- *А что нам с этим делать?*
— Как что? Вертеть в руках, конечно!
Нет интереснее игры на свете!
- *А качество товара?*
— Проверено. Две тыщи лет назад.
- *А что берут больше всего?*
— Конечно, счастье! Иногда любовь.
Берут и сразу тянут в рот
С обёрткой целлофановой.
Отходят в сторону
И жадно так
жуют,
 жуют,
 жуют!
- Совсем оголодали люди...

в троллейбусе

«Вчера видела такие дешёвые колготки...»
«Он смотрит на меня, а я ему: “Плесни-ка водки!”»
«Были с мужем в ювелирном. Столько красивых оправ!»
«В чем дело, дочка?! Перестань дёргать меня за рукав!»

*Мама! Мама!
Я видела, как облачко со стула упало,
Мама...*

«Я тыщу раз ему говорила, а он не слушал».
«Мы скоро вернёмся. Следи, чтоб он вовремя кушал».
«Тут столько народу... Аккуратней, не сломай букет».
«Ну чего ты хочешь, дочка? Да нет у меня конфет!»

*Мама! Мама!
Я хочу, чтобы снежинки не таяли,
Мама...*

«Сметана, творог, яйца... и не забудь ещё муки».
«Столько краж в нашем районе... Надо бы сменить замки».
«Бросила его, а он переживает до сих пор».
«Ну-к стой спокойно, доча, у мамы важный разговор!»

*Мама! Мама!
Смотри, воробушек... Такой смешной, ведь правда,
Мама?*

«Люблю его? Ты шутишь? Просто он хорош в постели...»
«Увеличили цены на газ. Как они посмели?!»
«У него квартира и машина. Он умеет жить».
«Куда ты смотришь, дочка? Давай мне руку, нам сходить!»

*Мама! Мама!
А боженька умеет плакать?
Не ругайся, мама...*

• • •

Яне-Марии Курмангалиной

я принёс подруге
в подарок картину
литовский художник
зелёное в жёлтом
подруга сказала
спасибо валера
но ведь не бывает
такого пейзажа
без капельки крови
одни только перья
да ты не волнуйся
зажмурься не бойся
я знаю что делать

она вымыла пол
раскрасила стены
она сняла платье
и нырнула в пейзаж

и с тех пор
я забыл
всё

кроме того

что ищу

кому подарил
подругу
картину
и капельку крови

весна

снежинка —

гравюра белого неба,
иероглиф зимы
на ладони —

растаяла...

headlines

перестрелка в горах есть убитые
на бирже рухнули акции повод напиться
новая порнозвезда ещё больше
авиакатастрофа кто виноват
война с арабами ислам зло
голосуй за меня потому что

и ни слова о тюльпанах
которые весь день сажали школьники
в условном городе N

тюльпаны?
луковичные растения
семейства лилейных

разве это интересно?
познавательно?
или полезно?

тюльпаны?
они не пахнут спермой
не обагрены кровью
и стоят гроши

что тут смаковать?
чему завидовать?

тюльпаны пустяк
мелкое незначительное событие

ВОСКЛИЦАНИЕ

что ты слышишь
в эту секунду
в это мгновение
не дыши

я слышу
молятся боги
взрываются бомбы
молятся боги
вскрываются вены
молятся боги

и... п-а-д-а-ю-т листья

я ничего не слышу!!!

ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ?

Опять спросили, опять о том же,
опять не знаю, что сказать в ответ.

В моей ладони спрятан жёлтый лист,
обрывок ветра и солёная вода,
в которой пена, жуткий свист,
разодранные клочья сна, и он,
трёхмачтовый фрегат без имени.
Зелёная хвоинка в чёрном море.

Я надуваю паруса, а ты
смеёшься *дуй сильнее* и говоришь,
что зря, что вера в снасти — это миф,
что верить надо в молнию и гром.

*Ха-ха, тебе не победить меня,
несчастный, и зачем ты вышел в море?*

Зачем — я знаю сам,
как знаю то, как тихо
и спокойно небо над грозой,
где солнце и где нет тебя,

пока — я — надуваю — паруса.

ПАЦИЕНТЫ

Вот этот, например,
по утрам гладит асфальт.
От себя на себя,
смеясь и плача,
от себя на себя,
в надежде...
«Что-нибудь да вырастет», —
упрямо твердит он.
Диагноз: депрессивный психоз.

Второй беседует с тенью.
Знает её имена и годы рождения.
«Она любит подъезды, но боится ночей».
Диагноз: неврастения.

Третий говорит матери,
что любит её так же,
как любит рабочих на стройке,
как любит нищих на паперти,
как любит дворнягу и яблочный сок.
Диагноз: уточняется.

А я нормальный,
без отклонений,
гип-гип-ура!

Каждое утро встаю, умываюсь,
читаю газеты, вызываю такси
и на вопрос «Куда?» отвечаю:
«На работу. Планета Центаурия».

чёрное белое

Каждую минуту
в мире рождается
сто пятьдесят человек.
«Ты самый красивый!»
«Она — просто чудо!»
«Лучше всех на свете!»
«Я так люблю тебя!» —
говорят мамы, а папы
важно кивают.

Мой маленький ангел,
розовый животик,
в одной руке — мёд,
в другой — молоко,
в глазах — ещё одни глаза.
Смотришь на меня,
сквозь меня, из меня,
во все стороны.
Ты смеёшься так,
что хочется плакать.

Хочу тебя спросить.
Сейчас, а не потом.
Потом я не смогу,
а может, даже не успею.
Скажи, ты кто:
тиран или спаситель?
Куда пойдёшь, чему научишь?
Скажи, ты будешь добр к жене?
Приветлив к детям?
Справедлив к земле?

И благодарен за всё это?
Или проснёшься утром
в разлитом молоке,
выплюнешь печенье,
отмоешь руки ото сна
и перережешь глотку
любимой кошке,
потому что
она — кошка,
а ты — человек?

.....

Ветер застыл в занавесках.
В воздухе плавает зыбка.
Мой маленький ангел.
Спит.

trivia

полезные знакомства
институт работа деньги
мир у твоих ног
Господи благослови

в кармане увядший нарцисс
а не случайный прохожий
в глазах чёрные лужи
а не осенняя свежесть
во рту живёт зеленая жалоба
на жизнь
на соседа
на «этих уродов»
зеркало в прихожей

око за око
где мои щёки
мне всё равно
аллах акбар
справедливость
выдумка старого Ганса
в жизни такой правды нет
в небе пульсирует
огромное солнце

лақоники

НЕСКОЛЬКО СЛОВ

Так получилось, что я живу в Китае. Мои друзья говорят, что это интересный опыт. Экзотика. Горы. И так далее. Пиши, мол. Мне же кажется, что человек сам по себе интересный опыт. А вот где он находится — дело десятое...

Основным материалом для этих записок послужила моя переписка с друзьями, которым хочу сказать большое спасибо. За всё, что они делали и делают для меня. А записки — это я сам. Никакой мистики, никаких откровений, никаких пророчеств. Просто, как апельсин.

И ещё. Хотя здесь и полно ружей, которые не стреляют, дорог, которые никуда не ведут, и слов, которые молчат, мне показалось, что эти беспорядочные записки объединяет что-то общее. Тоска по листьям, что ли... Не знаю. Судите сами.

СОН

— Ты чего?! Валериус, ты чего такое увидел? Чего смеёшься?

— Сон я видел, знаешь, будто иду я по зелёной лужайке, люблюсь по сторонам, вижу пагоду, и вдруг — бац! — лужа. Огромная такая лужа. А что нам лужи? Лужи нам не страшны. Я, значит, разбегаюсь и прыгаю, а лужа, зараза, коварная попалась — стала увеличиваться в размерах. Ну, думаю, если упаду, все очки измажу. А как я без очков пейзажем любоваться буду? И так мне стало смешно, что я проснулся.

— Доброе утро, Валериус!

Да, пожалуй, так всё и началось.

деревянные ПТИЦЫ

Вырезанные с величайшим мастерством,
достойным восхищения:

- Как живая!
- Какой гордый взгляд!
- Будто парит!

В сторонке,
совсем рядом,
сел голубь.
Без «как» и «будто».
Расчесал пёрышки,
выдернул одно...
И упорхнул.
Оставил.
Зачем?

В чужой монастырь...

Знающие люди говорят, что существуют три типа мышления, как отражение так называемых трёх моделей развития мира. Вот они на примерах:

1. Европейский тип мышления — или белое, или чёрное

Рассказал другу-британцу о Бабе-Яге.

— Зачем вы, русские, посадили старую женщину в дом на куриных ногах?

— Стив, это не «старая женщина», а ведьма. А дом на ногах — чтобы самой не бегать. Mobile unit.

— Да, ты говорил, что у неё одна нога из слоновой кости. Удачная, кстати сказать, инвестиция! У тётушки финансовые способности.

— Не слоновая там кость. И вообще, Стив, русские сказки — это мистерия. За гранью твоего понимания. И моего тоже.

— Ага, как же, за гранью... Знаешь, сколько таких брошенных гоблинами жён в английских лесах?!

2. Китайский тип мышления — белое станет чёрным, одно станет другим, всё чередуется, но не противоборствует

— Что ты учишь в своём институте? — спросил учитель Ю.

— То, как нельзя писать стихи. Литературу. Язык. Историю литературы и историю критики. И много ещё чего.

— Историю литературы?!! Ха-ха-ха! Зачем тебе эта история?

— Ну как?!! Чтобы знать, что за чем идёт и как развивается, чтобы...

— Знаешь, что однажды сказал мне садовник Жень? Он сказал, что деревья полезнее не изучать, а выводить на прогулку. Запомни: изученное умирает.

3. Индийский тип мышления — белое и есть чёрное, это есть то, пустой круг

Когда я учился в университете, мой друг Ахмед (истовый мусульманин, с бородой, огромным носом и горящим взором, но без базуки за спиной) любил повторять: «Воспитанный человек никогда не спорит о религии и политике». И все пять лет, если разговор заходил на эти темы, Ахмед его ловко перенаправлял на что-нибудь другое.

На Бале Магистров я спросил его:

— А всё-таки почему нельзя говорить о политике и религии? В России, например, об этом говорят часами.

Ахмед помолчал, потом сказал то, что я запомнил на всю жизнь:

— Мой отец поспорил с отцом моего лучшего друга. Они спорили так, что лица стали красными. Они ходили по кругу, и никто не хотел уступить. А потом Азра, отец моего лучшего друга, убил моего отца. Так, из-за пустого спора, я потерял отца и своего лучшего друга.

упражнение

В школах дзэн есть такое упражнение, которое, кстати сказать, активно применяется в некоторых университетах. Суть его в следующем: учитель просит описать некий предмет одним словом и/или сотней слов. Получаются весьма интересные вещи!

Итак, тема: **прищепка**. Двести слов.

— Почему нас назвали прищепкой? Ведь мы по отдельности — Пружинка и Две Дощечки. Сестрёнка и Два Брата-близнеца. Ты упруга, я гладок и строен. Только никто этого не видит. Все видят прищепку.

— Наверное, это потому, что по отдельности мы теряем всякий смысл. Ты гниёшь, я ржавею. Вот что мы по отдельности.

— А вместе?

— А вместе мы — Зажим. Какое гордое слово! В нём и смысл, и предназначение, и мечта. Не каждый может похвастаться тем, что нашёл дело своей жизни. А ты родился с этим в волокнах. Я просто помогаю тебе осознать — что ты такое.

— Но ты настолько плоть от моей плоти, что я не вижу ничего за тобой. А мир вокруг? Друзья?

— Неужели ты забыл о Пластмассовых? Сколько оттенков, характеров, запахов!

— Запахов, именно! С Пластмассовыми можно общаться только в противогазе. И потом, они все на одно лицо. У них нет волокон. В них нет страсти. Я даже подозреваю, что они ненастоящие.

— А что делает тебя настоящим?

— Память. Я помню ветер, солнце и даже щекотку дятла. Я живой.

— Чего же тебе не хватает?

— Снов. Обычных рябиновых снов. Их у меня отняли. Я устал от белья. Оно всегда грязное, сколько его ни мой. А деревья грязными не бывают.

Пружинка умолкла. Две Дощечки поёжились. Кап-кап.

Лу Лу

У неё поразительная способность замечать и чувствовать нечто прозрачное, невесомое, то, что витает в воздухе, — полтона, оттенки, падающее пёрышко, и не менее поразительная неспособность соединить всё воедино. Кто-то видит главное, не замечая мелочей, а кто-то замечает все мелочи, не видя главного. Я привык сопоставлять факты и делать какие-то выводы, Лу Лу же, как мне видится, рассматривает каждый факт по отдельности. Как нечто самостоятельное. Вот планета Земля, вот Сатурн, вот Марс, а вот Юпитер... Солнечная система? Какая Солнечная система?! Она существует? Иными словами, её абсолютно не интересует вопрос «Почему ты сделал так, а не иначе?» Ты ведь уже сделал. Остальное неважно.

А меня, нас в первую очередь интересуют причины. Вся русская литература построена на этом. Все кому ни лень копаются в этом проклятом **почему**...

Она такая разная. Снимается в рекламных роликах и для модных журналов. Читает классическую китайскую литературу. Молится два раза в день и играет проституток в театре. Не знает, что такое консенсус и выборы. Отлично танцует. Не читает газет. Любит плавать и играть в го.

Она улыбается мне.

два урока

Провожу в школе урок. Четвёртый класс. Двенадцать девочек и девять мальчиков.

— К нам прилетели марсиане! — говорю. — Суровые красные воины. Стоят у меня за спиной, видите? У них всего два вопроса. Как только мы ответим, они улетят.

Вопрос №1: что у нас есть такое, чем мы можем гордиться?

Вопрос №2: за что нам, людям, стыдно?

Шепчутся. Улыбаются. Лес рук. Не каждый ведь день инопланетяне в гости заходят!

— Я горжусь тем, что у меня есть мама.

— Я горжусь тем, что не боюсь машин.

— Мне страшно, когда люди в автобусе ругаются.

— Я горжусь своей семьёй.

— Мне стыдно за дым. Я не вижу неба.

— Мне стыдно за воздух.

— А вы умеете рисовать пальцами?

— У нас так грязно. Мы не успели прибраться. Простите нас.

— Я горжусь тем, что хожу в школу.

— Я могу поиграть для вас на пианино.

— Я горжусь тем, что не боюсь вас.

— Мне стыдно за телевизор. Там война.

— Я горжусь тем, что у нас есть солнце и горы.

— А вы умеете стоять на голове?

— У меня есть мама, папа и бабушка Хонг. А вас кто любит?

— Хотите пирожок?

.....

Провожу в школе урок. Взрослые дяди и тётки. Средний возраст — тридцать пять лет.

— К нам прилетели марсиане! — говорю. — Суровые красные воины. Стоят у меня за спиной, видите? У них всего два вопроса. Как только мы ответим, они улетят.

Вопрос №1: что у нас есть такое, чем мы можем гордиться?

Вопрос №2: за что нам, людям, стыдно?

Тишина. Никто не шепчется. Никто не улыбается.

Смотрят в пол и молчат. И я вместе с ними.

ЭТО ТАКАЯ ПРИМЕТА

Липкий, знойный июнь, в котором единственная прохлада — это ладони, вкусно пахнущие нагретым яблоком. Арахис в шоколаде, минеральная вода, жарко, *crème brûlée*, «ну нельзя же так откровенно есть», зелёные глаза, что подумают голуби? Наступи мне на ногу, а то я не вырасту, ты знаешь — это такая примета, я хочу расти и вырасти тобой, понимаешь, иногда это просто необходимо — стать другим, чтобы окончательно понять, кто ты есть на самом деле. Юродивое — 00 часов — мгновение — 00 минут — секундной стрелки, я вижу, как начался твой отсчёт, но я не волнуюсь — до конца ещё целая жизнь в шестьдесят сердцебиений. Шёпот — это не желание сказать, а желание услышать, поэтому ты шепчешь, когда больно или громко, шепчешь, когда цветы или мало, шепчешь даже тогда, когда вокруг пустота и мёртвые деревья. Каюсь, я не всегда тебя слышу, иногда не узнаю или не понимаю, но я отлично знаю — кто ты и зачем. А это то, отчего улыбаешься по утрам.

ДОЖДЬ

Шестой день льёт дождь. Если долго глядеть в окно, дождь начинает с тобой говорить. Всё в мире тянется к человеку. Даже дождь. Ведь человек — это тепло и любовь, да? Мы, может, в это уже и не верим, а вот всё сущее верит. Пока верит. Эти капли и ручейки на стекле — словно кто-то невидимый касается тонкими пальцами... Даёт понять, что тоже существует. Старается стать видимым. Чтобы мы поняли что-то очень важное. А что мы? Мы видим только воду...

Но эта «вода» терпелива. Она подождёт. Слово, кстати, какое интересное! По-дождё-т. Дождь знает, что, пока он льёт, существует **надежда**.

В дождливую погоду на уроки к учителю Ю обычно не едешь. Но однажды, помню, ещё летом, случилось так, что дождь застал меня в пути и на уроке из учеников оказался я один. Учитель Ю сказал, что раз уж нельзя заниматься тай-цзицюань, то можно поближе познакомиться с дождём. «Стань каплей, — сказал учитель Ю, — и проживи её жизнь». Мгновение, которое для неё — целая жизнь. Эта жизнь может быть длинной. Может быть короткой. Хочешь жить долго, падай медленно. Хочешь жить вечно — испарись.

Вот так целый час я был дождевой каплей.

загадки

Это у меня игра такая: бродить по улицам и вглядываться в лица. Любой прохожий несёт с собой настроение. Эмоцию. Чувство. Или портфель. Есть, правда, такие, кто всё это (кроме портфелей, конечно) аккуратно складывает рядами в стопочки и оставляет дома в гардеробах, но зато не забывает поправить узел галстука и начистить ботинки. А это тоже настроение. Только невыстиранное... Так вот, все эти свежие и накрахмаленные эмоции легко читаются. Вот идёт Озабоченность, вышагивает Довольство, семенит Растерянность, скачет Радость, летит Любовь... Тут всё понятно. Даже тогда, когда Счастье заслонило Радость или Грусть поссорилась с Печалью... Но бывает так, что встречаешь лица, которые не читаются. И не потому что бесстрастны. Не потому что прячутся. И не потому что «день такой». Вот она, загадка!

- *Взгляни-ка на дорогу! Кого ты там видишь?*
- *Никого, — сказала Алиса.*
- *Мне бы такое зрение! — заметил Король с завистью. — Увидеть Никого! Да ещё на таком расстоянии! А я против солнца и настоящих-то людей с трудом различаю!*

Вот и идёшь невольно за тем, кто несёт в себе (на себе) этого Никого, чтобы понять, каково это — нести Никого. И почему люди до сих пор не дали имени Никому? Ему, наверное, грустно: у всех имена, а у него вместо имени — одни определения. С другой стороны, как ему может быть грустно, если

он — Никто? Это мы, люди, любим всё объяснять и «складывать рядами в стопочки», а с его точки зрения, быть может, весьма странно, что мы пытаемся показать странным то, в чем ничего странного нет...

Как же я люблю гулять!

«нет ничего такого, что было бы для меня слишком многим...»

Вот — человек. Спустя пять недель после рождения он начинает плакать, и только через четыре-пять месяцев — смеяться... Так говорят медики, хотя для мамы, наверное, они улыбаются всегда. Даже если плачут.

Мне страшно и непонятно. Но страшно не так, как это бывает, когда ночью с ножом или когда неделю без солнца, а так, когда в родном городе не знаешь, что тебя ждёт за углом. В январе было холодно, кто-то дал одеяло, я в него завернулся, а теперь пришло время его отдавать...

«Всё на свете, — писал классик, — должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян». Медленно тает снег в неправильной ладони, медленно остывает разлитый кофе в неправильном коридоре, и медленно уходит человек в неправильное куда. Почему так? Добиться чего-то — это одно, а вот отказаться от этого «чего-то» во имя или, точнее, *ради* страха — это уже совсем другое.

Я перескочил через время и оказался там, где малое и незначительное становится важным, а то, что ты считал по-настоящему важным, умещается в джинсовом кармане для зажигалки. И ничего с этим не поделать. Разные плоскости, разные углы отражения, разные истины, которые, впрочем, всегда сходятся в одну точку. Где бы ты ни был и что бы ты ни делал. Только думать об

этой точке неохота, а то кожа становится гусиной. Кто ж любит думать ёжась? Уж точно не я. Эх, слаб, слаб человек...

— *Прыгай!*

— *Там крапива!*

— *А ты прыгай с раскрытыми руками!*

— *А вдруг я не долечу?*

— *И что? Попробуешь ещё раз. Прыгай давай!*

И я прыгнул. Медленно и неправильно.

деревья

Я люблю деревья. Иногда больше, чем людей. Хотя, с другой стороны, есть такие человеки, что деревьям до них расти и расти...

Господь создал человека слабым, одарив его правом выбора, но, будучи настоящим отцом, оставил костыли в помощь. Деревья. Всегда живые, всегда тёплые, всегда разные. Смотрящие в небо, отдающие себя целиком и полностью в буквальном смысле этого слова, служащие как телу, так и душе. Смотри, мол, туда, куда я смотрю, слушай, как я умею слышать, грейся моим теплом, пусть это облегчит твою жизнь...

Признаюсь, мне хотелось бы, чтобы моя жизнь была похожа на жизнь любого дерева: такая же незаметная, но в каком-то смысле незаменимая. В такой жизни я вижу куда больше смысла, чем в том, что мне навязывают общепринятые стереотипы.

КТО САМЫЕ ОДИНОКИЕ СУЩЕСТВА В ЭТОМ МИРЕ?

Вчера увидал газету на дороге. Жёлтую, истерзанную, вбитую в асфальт протекторами. А она всё пытается взлететь и до тротуара добраться. Потрясло до глубины души. Даже в комке рваной бумаги живёт птица. А в нас, хомяках, живёт пингвин.

Бедная «Жень Бао»!

Не знает, что, если даже она и доберётся до поребрика, её скомкает и выбросит в урну случайный прохожий. Поистине, нет ничего печальнее газет.

падающие снежинки —

это грусть, увядшие цветы или молчание. А как ещё назвать тишину, в которой плывёшь без единого всплеска?

Лу Лу и дождь

Опять идёт дождь. Словно напоминает о моей стране, у которой имя — и то дождливое. Читать — не хочется, гулять — мокро, учить иероглифы — страшно даже подумать. Разбил тарелку, пролил молоко, выключил телевизор. Лу Лу молча наблюдает.

— Что ты думаешь о смерти? — вдруг спрашивает она.

Не нахожусь, что ответить.

— К смерти надо готовиться. Очень тщательно. А ты ле-нишься. Места себе не находишь. Как же ты собираешься умирать?

Сижу разинув рот. В голове — вакуум. Чего она такое говорит?

— Дождь для того и льёт, чтобы отвлечь нас от жизни. Что-бы мы хоть немного подумали о смерти. А ты? Смотреть — и то противно.

Видно, что она не на шутку разозлилась. Пальцы нервно теребят край платья.

— А как надо готовиться к смерти? — спрашиваю я.

— Думать о ней. Учиться. Именно тогда, когда тебя ничто не отвлекает. Учиться находить смысл во всём том, что прихо-дит тебе в голову, даже если это и не имеет никакого значе-ния. Особенно тогда, когда идёт дождь.

— Почему это так важно? Почему ты говоришь об этом?

— Иначе всё теряет смысл. Ты теряешь смысл. Остаётся только оболочка, в которой нет ничего, кроме дождя.

— Я не совсем понимаю...

— Вот именно! На дождь надо смотреть глазами, полными слёз. Вот тогда, быть может, поймёшь.

Молчу. Идёт дождь.

джаз-клуб «Гвоздь»

Я живу на ладонях. Голова на ладонях и сердце между пальцев.

Джин с тоником, Tom Waits, случайные люди, случайные слова, которые не только не отвлекают от «Великого Гэтсби», но ещё и дополняют эту необыкновенную книгу.

- Хотите кофе?
- Нет, спасибо.
- А сигарету?
- Я не курю.
- Кофе и сигареты.
- Я видел этот фильм.
- Прекрасное сочетание, да?
- Да. Но есть и лучше.
- Например?
- Плакать, умываясь.
- А что в этом хорошего?
- Непонимание того, что чего смывает.
- А что хорошего в непонимании?
- Желание.
- Желание?
- Желание знать. Это то, что делает человека человеком.
- А.

«Если тебе вдруг захочется осудить кого то, *don't you know there ain't no devil*, вспомни, что не все люди на свете обладают теми преимуществами, которыми обладал ты, *there's just God when he's drunk*».

Воистину, дьявол — это Бог, просто Бог, когда он пьян.

я хочу

...бродить по земле, ездить из города в город, из страны в страну, я хочу быть перекасти-полем, которое ищет свой дом, но какой дом может быть у перекасти-поля, скажите на милость, если вместо того, чтобы бежать рядом, каждый норovit поймать и расправить веточки, ведь так красивее, не правда ли, смотрите, как благородно смотрится перекасти-поле в сплюснутых ветках, ни ветер ему не страшен, ни холод, а если пойдёт дождь, то серединка не намокнет, а как мне объяснить, что я люблю мокрую серединку, что я без этой серединки — уже не я, а кто-то совершенно другой, с кем я не знаком и не хочу знакомиться, что ветер — это мой вдох и выдох, что ветки — это мои глаза, которые широко раскрыты, чтобы не пропустить янтарные песчинки, усталые складки, длинные пальцы и ещё миллион вещей, которыми полон мир, чтобы научиться ходить, а мне это просто необходимо, если я хочу найти свою дорогу, а не метаться от ночи к дню, но я не могу, потому что я мою посуду, готовлю ужин, целую в щёку, обсуждаю погоду, выходя на улицу, не забываю зонт, а это всё то, что считается жизнью, без этого не обойтись, они говорят, всё начинается с малого, и я это прекрасно понимаю, но всё чаще и чаще приходит тёмное время суток, когда левый бок истекает красным, а в ногах появляется зуд, который ничем не утолить, и вот я иду, бегу, лечу, люди, смотрите, у меня крылья, но я бегаю среди фонарей, а звёзды молчат, понимая, что я смешон, ведь я бегаю от фонаря к фонарю, а мог бы приютить бездомного или отдать эти деньги старику, который молчаливо смотрит на то, как я прохожу мимо, весь такой возвышенный и чувствительный, как будто бы умеющий любить и сострадать, но всё это наносное и ненастоящее,

потому что я могу, **могу**, но в глубине души не хочу, ибо во мне живёт жаба, которой так удобнее, которая твердит, что всё стоит денег: квартира, учёба, еда, и она права, конечно, да вот только истинная любовь может не тогда, когда «удобнее», а всегда, а истинное сострадание употребляет частицу «не» только с одним словом — «не плачь».

маленькая Сяо

Xiao Tian

Сегодня она пришла. Как обычно, влезла мне на колени и прижалась щекой к груди.

— Что, давно ждёшь?

— Несколько месяцев.

— Небось, каждый день тут сидишь?

— Почти.

— Несколько месяцев — это немного.

— Угу. Всего каких-то 129 600 минут.

Молчит.

— Что ты любишь?

— Стихи люблю. Поэзию.

— А что такое — стихи?

— То, что нас окружает. Этот камень или вон та куча мусора.

— А я?

— Ты — целая поэма, — смеюсь я.

— Нет, я не понимаю, что такое стихи, — медленно говорит она. — И вообще сегодня ты другой! Странный! Говоришь непонятно. И ещё заикаешься!

Молчу. Сяо Тьен внимательно смотрит в глаза, будто ныряет в них, потом вдруг щип! — щиплет меня за щеку.

— Попробуй ещё раз.

— Хорошо. Стихи — это то красивое, что живёт в вещах и людях. Но это нельзя надеть, это нельзя потрогать, это можно только почувствовать. Как ветер, например.

— Или перец?

— Или перец, — соглашаюсь я.

— А я люблю гамбургеры...

— А ещё?

— Маму. И эту скамейку.

- Вот скамейка — это поэзия.
— А гамбургер?
— А гамбургер — неудавшийся стих.
Оба смеёмся.
— Знаешь, Вей Ли Рей, я придумала тебе новое имя.
— Какое?
— Цы. Уж очень ты слова непонятные любишь...
— Извини, Сяо.
— Но иногда с тобой забавно.

Тут она опять щиплет меня за щёку, слезает с колен и бежит домой. Она никогда не прощается, как, впрочем, и не здоровается, она — уже написанное стихотворение. Запятая, которая разделяет предложения. Девочка без точки.

первая встреча

— Ты умеешь сочинять цветы?

— Я умею сочинять песни.

— Песни — это легко, а вот цветы... Сам попробуй!

Все-таки необычное у неё приветствие: подходит и прикладывает ухо к груди. Слушает.

— Смотри, что я нашла! Три веточки. Давай сложим цзы.

Складываю иероглиф 天 (большой). Сяо Тьен улыбается.

— Это очень простое цзы.

Вытаскивает ещё одну веточку и кладет сверху моего иероглифа. Получается 天 (небо). Тут меня озаряет. Хватаю наше цзы и подбрасываю вверх. Сяо Тьен смеётся.

— Цон мин! Цон мин! Цон мин!

Я счастлив.

радуга

Иногда так бывает, что самого себя становится слишком много. Чай становится горьким, виски — сладким, а одиночество — слишком маленьким...

Звоню. Надеюсь, она ещё не спит.

— Я уже умылась! А ты?

— А я нет.

— Грязнуля!

— Я уже большой. Сам по себе. Хочу моюсь, хочу нет.

— Вот здорово! А меня мама заставляет...

Иссяк. Не знаю, что сказать. Сяо тоже молчит.

— Ты потерял игрушку?

— Нет, Сяо. Я потерял краски. И всё вокруг потеряло цвет.

Даже солнце.

— Даже солнце? — удивляется она. — А у меня есть мелки... Много! Хочешь, я нарисую солнце? Настоящее! С оранжевыми лучами?

— Хочу.

— А потом я нарисую тебя.

— Очень хочу. Лучше тебя никто меня не нарисует, Сяо.

— Тогда иди ищи свои краски. А я пойду рисовать радугу.

— Радугу?! А меня когда?

— Вот глупый! Радуга — это ты и есть. В красках.

Лучший способ найти мир — это стать им.

день рождения

У Сяо Тьен — день рождения. Ей исполнилось девять лет. Я подарил ей маленького ангела.

— Что это?

— Это ангел.

— Что такое ангел?

— Ангел — это мальчик, который умеет летать и рассказывать сказки. А ещё он хороший защитник.

— Он великий воин?

— Вряд ли он так думает. Но если он с тобой, тебя никто не обидит. Как это ему удаётся — неизвестно. Он очень скрытный.

— Вот это да! Мальчик, который умеет летать! — шепчет Сяо. — Что, ты говоришь, он умеет рассказывать?

— Сказки. Мама ведь рассказывает тебе сказки?

— Нет. А что такое сказки?

— Сказки — это где всё волшебное настоящее. Где дерево умеет петь. Где живёт настоящий Дед Мороз. Где можно пока-таться на ковре-самолёте или превратиться в ветер и за мгновение облететь весь мир. В сказках всё возможно.

— Я знаю, что такое сказка! Сказка — это сон. Я часто вижу сны, в которых летаю. Мама говорит, что это я расту. Мои сны — это сказка?

Вопрос серьёзный. Задумываюсь.

— Наверное, да. Твои сны — это сказки, которые нашёптывают ангелы. Такие, как тот, что у тебя в ладошках.

Сяо Тьен молчит. Видно, что она удивлена.

- У меня есть ангел... Скажи, он научит меня летать?
- Он научит тебя рассказывать сказки, а это то же самое, что летать, только круче.
- Тут она срывается с места и мчится к подъезду.
- Ты куда, Сяо?
- Спа-а-а-ать!!!

Зачем тебе спать, если ты летаешь наяву, маленькая Сяо?

самая грустная игра на свете

Я сижу на скамейке и читаю книгу. Сяо сидит рядом, болтает ногами и грызёт яблоко.

— Знаешь, Сяо, я давно хотел тебе рассказать о мальчике, которого зовут Маленький Принц. Он умеет видеть барашка сквозь стенки ящика. А ещё у него есть своя собственная планета. Величиною с дом.

Сяо не удивляется. Я всегда поражался такому умению: не удивляться каким-то совершенно фантастическим вещам и замирать в восхищении от чего-то очень простого. Жука, например.

— А я умею сочинять цветы! — заявляет она. — Маленький Принц умеет сочинять цветы?

— Думаю, что да. У него, кстати, есть роза. Это друг. Один-единственный.

— Я тоже хочу с ним подружиться! Ты его знаешь?

— Нет, Сяо, я его не знаю... Его нашёл один человек. Француз.

— Где нашёл? Как?

— Сердцем. Он умел искать сердцем.

— Я не понимаю...

— Это неважно, Сяо. Ты очень похожа на этого мальчика.

Сяо смотрит на яблоко, потом перебирается ко мне на колени и заглядывает в глаза.

— А он умеет играть в самую грустную игру на свете?

— Это какую же?

— Смотреть, как падают снежинки. Зимой ты сам в неё часто играешь, я видела.

— Играю. Но почему «самую грустную»?

— Потому что они тают.

Эх, маленькая Сяо, всё красивое со временем тает, расплывается и становится водой на ладони, но как сказать об этом тебе?

кем ты хочешь стать?

Обычно в полдень я еду домой. Сегодня же остался в школе. Тьен Лиу попросила меня пообедать вместе с её дочкой. Редкое удовольствие!

— Сяо, вот скажи, ты хочешь вырасти?

— Вырасти куда?

— Всегда есть куда расти. Можно вырасти влево, можно — вправо, некоторые растут вверх, а некоторые — вниз. А можно стать взрослой тётей.

— Я не хочу становиться тётей. И я уже выросла. Ты что, не видишь?

— Я вижу, что ты ешь, как слон. Я имею в виду: совсем-совсем вырасти.

— Ой, тогда я стану старой, как бабушка Лю. Буду сидеть на лавочке и громко охать. Вот так: «Ох-ох-хо-хо!»

— Ладно, раз ты уже выросла, кем ты хочешь стать?

— Я уже есть. Вот, потрогай, если не веришь.

А я, маленькая Сяо, хотел стать космонавтом. В нашем классе все мальчики хотели стать космонавтами. Это было правильно. Но был один, который не хотел. Он сказал: «Не знаю». Учительница его ругала. Звонила родителям. Стыдила на линейке. Он плакал и заикался. Но космонавтом стать так и не захотел. Потому что — уже — был.

чего ты боишься больше всего на свете?

Я люблю банальности. Восхищаюсь плоскими шутками. Обожаю пустяки. Пройти и не заметить, плюнуть и растереть, положить в карман и забыть навсегда. Мозаика жизни.

Как-то раз на уроке мы рисовали кроколягов. Помесь лягушки и крокодила. Детишки, сопя в творческих муках, рас-крашивали клыки, хвосты и мощные лапы. Фантазия бурлила. Воображение дымилось. Идеи разливались морями и чернилами.

Первой с рисунком ко мне подошла маленькая Сяо:

— Страшный?

— Как сто бабуинов!

— А по-моему, он очень милый. Чего ты боишься больше всего на свете?

— Я не знаю, Сяо. Мне надо подумать.

— А я боялась этого кроколяга. Больше всего на свете. Боялась, пока не нарисовала.

— А теперь?

— Теперь не боюсь. Он хороший.

Вот мы, взрослые, считаем, что зло — это доктор Фауст, пробки на дорогах, Вельзевул и неразделённая любовь. А маленькая девочка в никому неизвестной школе полагает, что зло — это то, чего не видишь, а страх — это то, чего не понимаешь.

«Рисуй, — говорит она мне, — и тебе никогда не будет страшно».

И я ей верю.

Сяо Тьен и jianzi

Маленькая Сяо увлеклась игрой в jianzi. Пинает эту рас-трёпанную красную фиговину все перемены напролёт. Я тоже. Иногда. Дабы не стареть слишком быстро.

— Сяо, ты хочешь стать чемпионом?

— Я уже чемпион. А ты проиграл.

— А я, может, специально!

— Тогда вдвойне приграл.

— Сяо, а с чего ты такая умная?

— Мне девять лет. Я уже взрослая женщина.

— Ха-ха-ха! Эй, женщина, если ты такая взрослая, что же ты делаешь в школе?

— Играю в jianzi. Слушаю тебя. Учу иероглифы.

— Вместе с детишками?

— Они не детишки. Они тоже взрослые. Просто мы ещё не расцвели.

Сяо врасплох не застанешь. Вопросами не отвлечёшь.

Опять проиграл!

7:3.

«а я умерла!» —

налетела на меня Сяо.

— Ого! Ты теперь маленький розовый призрак?

— Нет, я по-прежнему Сяо. Только мёртвая. Бу!

— Но ты же тёплая. И улыбаешься.

— А разве мёртвые не улыбаются?

— Тебе виднее. Я не знаю.

— Признавайся, тебе стало страшно, когда я на тебя на-
скочила?

— Ага. Очень. Враз штанишки намочил.

— Ха-ха-ха! А вот моя мама говорит, что мы умираем толь-
ко один раз. Ты тоже так думаешь?

— Нет, Сяо, я так не думаю. Умирать мы можем бесконеч-
но. Пока не надоест. Кому-то это даже нравится. Но вообще
смерть — она на любителя.

— А мне интересно умирать.

— Вот-вот!

— Что «вот-вот»?

— «Вот-вот» в том, что многим «интереснее» умирать.

— А тебе?

— А мне интереснее жить.

.....

— Значит, ты думаешь, пора оживать?

— Самое время. Скоро звонок.

СОН ВО СНЕ

Ночью приснились Сяо и гусиное перо. Такое сочетание показалось настолько интересным, что я проснулся, чтобы его записать. За ручкой пришлось идти в кабинет. Вернувшись, увидел себя, мирно спящего с карандашом в руке...

Будить не стал.

И ПТИЦЫ ПОСЕЛЯТСЯ В ВОЛОСАХ...

Было время, когда Сяо играла «в деревья». Выбирала самое шумное место, самую шумную игру, самых голосистых мальчишек, становилась в эпицентр и замирала на всю перемену.

— Как ты думаешь, Вей, что случится с моими ногами, если я простою здесь целый день?

— Пустят корни.

— А как же я пойду домой?

— Придётся тебя аккуратно выкопать.

— А если пойдёт дождь?

— К тому времени ты вся зазеленеешь, на каждом пальчике вырастет по шесть зелёных листьев. Ими и прикроешься.

— И птицы поселятся в волосах...

— И птицы поселятся, и пройду я мимо, и не увижу, что это ты, моя маленькая Сяо...

— Чтобы увидеть девочку, которая выросла в дерево, нельзя играть «как будто». Тебе придётся стать настоящим деревом. Ивой, например.

— Что, я похож на иву?

— Не знаю. Иногда ты похож и на иву, и на всё сразу, а иногда ты — пустое дупло.

— Грустно.

— Нет, не грустно! Дупло — это хорошо. Дупло — это домик для птицы. Не верю, что ты не играешь в «домики»

Играю, Сяо, ещё как играю. Мою посуду, целую подставленную щёку, улыбаюсь, иногда невпопад, стираю воспоминания и трусы, плачу по счетам, чиню старую лампу.

Дупло, Сяо, это замечательно. Хорошо быть кому-то домом. Тёплым, сухим и уютным. Но как, скажи мне, как стать домом самому себе?!!

ПТИЦА

Иногда я приглашаю Сяю в Макдональдс, который она нежно любит за чистоту и гамбургеры. Я пью кофе, она ест мороженое.

— Как ты думаешь, что видят люди, смотря на нас?

— Я думаю, они видят полнеющего мужчину и маленькую девочку.

— А они видят птицу на твоём плече?

— А она есть?

— Да. Я не знаю, как она называется, но она есть.

— Ух ты! А почему я об этом не знаю?

— Потому, что у тебя морщины. Вот здесь и здесь...

— А что она там делает, Сяю?

— Она хочет показать тебе своё гнездо.

— Как интересно! А у тебя есть птица?

— Есть, но она пока ещё не знает обо мне. Она летает.

У меня пылало ухо. Теперь я точно знаю, что ухо алеет не тогда, когда «тебя кто-то вспоминает», а тогда, когда у тебя на плече потягивается неведомая птица.

Скорее бы наступило утро!

кого ты любишь больше?

В глубоком детстве я ненавидал вопросы из серии «Кого ты любишь больше?» и злобно сопел в ответ. Кусался, если настаивали. Все задавшие мне такой вопрос автоматически зачислялись в категорию «тех, от кого надо спрятаться».

Естественно, я не спрашивал Сяо ни о чем подобном, но однажды не выдержал: любопытно ведь!

— Кого ты любишь больше: маму или папу?

— Я люблю зелёных слонов.

— А маму с папой?

— И маму с папой. И Шу Минь. И тебя. Но зелёных слонов всё-таки больше.

— Но почему — слонов?!

— Зелёные слоны умеют весело прыгать. Вот за это их и люблю.

.....

— Почему ты все время задаёшь такие дурацкие вопросы? Ты дразнишься, да?

— В каком-то смысле, Сяо. Но вообще мне очень нравится, как ты отвечаешь.

— Ты слишком любишь слова. Нельзя любить слишком. Такой большой, а не знаешь... Ладно, я придумала наказание: съешь что-нибудь невкусное. Прямо сейчас. Землю, например.

— Как я могу съесть целую планету?

— Запросто. Вот я, например, ем Землю на завтрак, Солнце — в обед, а Луну — на ужин. Ха-ха-ха!

Увы, Сяо, я не умею завтракать планетами, а обедать — звёздами. И слова меня постоянно обманывают. Я вижу только названия. Поэтому всё, что я могу и умею, — это озираться, разинув рот. Какое там! Я даже слона и маму в одну плоскость поставить не могу.

Мне чётко объяснили, что любить, а что ненавидеть, как радоваться и о чём грустить. Сказали, что небо синее, а море — мокрое. Заперли в темницу и выбросили ключ. Но, Сяо, скажу тебе по секрету, что я уже веду подкоп.

К твоим зелёным слонам.

наши скамейки

Сяо подарила мне парк, сделанный из картона. Собственно ручно.

— Скамейки в ветвях? — спросил я её, осмотрев подарок.

— Да. Там мы и сидим, когда беседуем. Ты на синей, а я на розовой.

— А зелёная?

— А зелёная для случайного прохожего. Знаешь, какие они любопытные!

— Знаю... А красная, под деревом, для кого?

— Для тех, кто потерял глаза и не видит, что шевелится в ветвях. Ленивые. Остальные. У них голова поворачивается только влево и вправо, ха! Такие на дерево не полезут.

Сяо, мне так не хочется, чтобы ты выросла...

лужа

Как вы думаете, что полезнее: рассматривать лужи или выпить стаканчик яблочного сока? И то и другое состоит из воды, а вода — это дождь, море и человек, поэтому этот вопрос не из простых. Более того, первое действие суть дух, второе — плоть, что наводит на мысль о...

— И всё же, что полезнее: рассматривать лужи или выпить стаканчик яблочного сока? — спросила маленькая Сяо, сидя на корточках перед самым настоящим озером.

— Я думаю, что лужи. В них всё видно. Как в зеркале.

— Ну ты сравнил! На лужу можно подуть, и ты увидишь ты - сячу маленьких Сяо, а зеркало лужей не станет, сколько ни дуй. Ты пробовал дуть на зеркало?

— Нет, Сяо, мне это в голову как-то не приходило.

— А ты попробуй. Вдруг у тебя получится его расшевелить?

— Попробую.

— Знаешь, моя мама вчера сказала, что ты не похож на мужчину. Ты все время отворачиваешься и не видишь настоящего. Живёшь в стране Фантазии. Это правда?

— Мы все живём в разных странах, Сяо. И ты, и я, и твоя мама. Это счастье, что мы вообще можем касаться друг друга. Редкая удача. Так рождаются вселенные, в которых мы видим лужи.

— А что такое вселенная?

— Вселенная, Сяо, это ты — здесь и сейчас. И то, что я не умею тебе сказать. Взрослые думают, что настоящий мир — это то, в чём нужно испачкаться. Чем грязнее, тем настоящее. «Реально то, что видишь». Так они говорят. Умный тот, кто

умеет драться и у кого есть деньги. Взрослые часто дерутся. Даже внутри самих себя. В этом они видят силу и «знание жизни». А умение дуть на лужи — это признак слабости. Вот что такое «настоящий» мир, Сяо.

— Я не всё поняла, но я буду хорошо учиться и всё пойму. Ты не грусти.

— Я не грущу, Сяо, я просто...

— Давай смотреть на лужу. До звонка ещё столько времени...

И мы смотрели на лужу. А в ней плавали тысячи маленьких Сяо, сотни глаз и миллионы солнц, хранящие тепло наших ладоней и лёгкую грусть, которая в этом полуденном зное скоро высохнет и испарится.

Навсегда.

лунная соната

Я заметил, что дети в Китае не слушают музыку. Они смотрят мультики. Совершенно дикие и непонятные. Про японских роботов. У меня от такого мультика голова раскалывается уже на третьей минуте, а им, мальчишкам, ничего. Нравится. Что смотрят девочки — это вообще глубокая тайна.

— Сяо, а ты смотришь телевизор?

— Нет. Я его боюсь.

— А музыку...

.....

Шёл дождь. Я сидел на скамейке под навесом и смотрел в лужи. Считал капли. Загадывал на пузыри: лопнет или не лопнет. Проигрывал, конечно. Пузыри всегда лопаются. Как жаль, что это не изменишь...

Кто-то дёрнул меня за рукав. Сяо. Материализовалась. Хлоп! — и вот она тут, сидит рядом со мной. Я даже вздрогнул.

— Что слушаешь?

— Музыку.

— Да-а-а? А я не слушаю музыку. Скучно.

— Сяо, а что такое музыка, по-твоему?

— Музыка — это когда танцуют цветы. После того как я их сочиню, конечно. Остальное — это распиливание деревьев.

— Хм... Высокие у тебя стандарты.

— Чего-о?

— Шутка для взрослых. Смысловой нагрузки не несёт. Не обращай внимания.

— Умник!

— Сяо, ты знаешь, кто такой Бетховен?

— Нет.

— Это человек, который умел сочинять цветы. Не так, как ты, но похоже. Ему был тридцать один год, когда он сочинил один из самых грустных своих цветов.

— Наверное, это был очень красивый цветок, да?

— Да, Сяо, ты права, грусть — это красиво... Грусть — это то, что открывает дверь. Но это не то чувство, которое испытываешь, потеряв медвежонка. Это особое состояние души. Веселье — оно беззаботно и, конечно, необходимо, но печаль важнее...

— Почему?

— Потому что печаль — это туман, за которым ответы на все вопросы. Так я чувствую.

— Бетховен, значит, прошёл весь туман?

— Думаю, да. И он был глухим, Сяо. Ничего не слышал.

— Ни-че-го? Ни смеха, ни дождя, ни собственного дыхания?

— Совершенно верно. И вот как раз в то время, когда Бетховен ощутил приближение глухоты, он почувствовал, что влюбился в очаровательную девушку, которую звали Джульетта Гвичарди. Она училась у него музыке. Была юна и красива. И он стал думать о ней, как о своей будущей жене.

— Просто потому что она была юна и красива?

— Да, Сяо.

— Взрослые такие глупые...

— Наверное, так. Джульетта была из аристократической семьи, для неё Бетховен — это просто учитель музыки, типа твоей аи, поэтому она никогда не воспринимала его всерьёз. И в один ужасный для Бетховена день она отвернулась от него и вышла замуж за кого-то графа.

— Он, наверное, плакал, да?

— Не знаю, Сяо... Он сочинил цветок для неё. Назвал его «Quasi una fantasia», что означает «Соната в духе фантазии». Но люди сменили название.

— Почему?

— Один из друзей Бетховена, уже после его смерти, слушая эту музыку, вдруг увидел лунную ночь, тихое озеро и плывущую лодку. Так и появилось это название: «Лунная соната». И знаешь, Сяо, у меня сильное подозрение, что эта лодка плывёт в туман.

— За которым ответы на все вопросы?

— Да. Именно туда.

Тут она стянула с меня наушники и нажала кнопку «Play». Шёл дождь. Билось сердце. Где-то сверкала молния.

Вдруг она сорвалась с места и выбежала из-под навеса. Капли мгновенно съежили её фигурку, выливали волосы. Я подошёл к ней и взял её за руку. Вот так мы и стояли, крепко держась за руки, всю сонату в этом озере, по которому где-то там, в тумане, бесшумно плыла лодка. И мы её ждем.

.....

— ...слушаешь?

— Ага. Ещё бы. Когда идёт дождь.

Скажите мне, много ли на свете живёт девочек, слушающих «Лунную сонату» вот уже на протяжении семи месяцев? И ведь ничего другого не признаёт. Самое время для новой истории...

сколько у человека имён?

Я не знаю. У всех по-разному, но явно не одно и не два. И даже не десять, а гораздо больше. Как-то мы с Сяо пытались подсчитать свои имена, насчитали каждый по двадцать, а потом Сяо замолчала и спросила:

— И кто я после этого?

Я не ответил на этот вопрос, но сказал, что моя ситуация ещё хуже, ведь у меня целых четыре *официальных* имени. Валерий, Валериус, Вейлирей и Вэл. А прозвищ, представь себе, у меня никогда не было. Даже в школе.

— А меня мама зовёт Тьентьен, папа — дочей, а бабушка — сверчком. Три разных имени.

— Но эти имена и есть ты. Представь, что ты шар и каждый крутит тебя во все стороны. Не потому что ты красивая игрушка, а потому что ему или ей так лучше видно. Они видят разное, говорят разное, но ты остаёшься неизменной. Такой, какая была и какая есть.

— Но я — не просто имя. Я что-то ещё.

— Верно. Но как-то тебя называть надо? Допустим, я хочу тебя окликнуть. Что мне делать?

— А как ты окликаешь клён?

— Прикасаюсь к нему.

— А цветок?

— Вдыхаю запах.

— А дождь?

— Умываю лицо.

— А чем я хуже деревьев, цветов и дождя? Тем, что я человек?

— Ты не хуже, Сяо. Ты такая же. Разница в том, что у тебя есть сердце. И ты можешь всё. А дерево может только вырасти.

— Да, но у дерева только одно имя. Его никто не тормозит, никто не слюнявит, никто не спрашивает про уроки в школе. Оно растёт, и этого достаточно.

— Не огорчайся, Сяо. Взрослые так любят. Они по-другому не умеют, уж прости ты им.

— Я буду рисовать крылья и подкладывать маме под подушку. Пусть летает, хотя бы во сне. А ещё напишу большое письмо — **мама**. Как ты думаешь, она поймёт?

Я думаю, что поймёт, Сяо, она ведь твоя мама, она тот человек, который знает тебя лучше всех, она может называть тебя любимым именем, она это заслужила, у неё есть такое право до тех пор, пока ты пишешь ей письма из одного большого слова, ведь ничего больше и не нужно; ты же знаешь, как много мы говорим, а всё впустую: мы боимся, Сяо, боимся, поэтому изо всех сил цепляемся за слова, надеясь, что хоть одно из них окажется точным, нужным и настоящим.

картина

Скажите, а вы часто ощущаете себя не тем, кто вы есть, а какой-нибудь вещью? Я, например, часто. Вчера был кольцами на пне, сегодня — ящиком в столе, а завтра буду островам. Представляете? Прилив и отлив, белые клыки, черви и корни деревьев. «Вещи теперь инкрустированы в плоть моего тела», — писал Мерло-Понти. Он, наверное, ощущал себя целой художественной галереей. До него мне, конечно, далеко.

— Сегодня я буду тебя рассматривать! — заявила Сяо.

— О как! А чего это ты во мне не видела?

— Ничего не видела.

— Тогда смотри.

Она карабкается на меня, как на стену, снимает мои очки и внима-а-ательно разглядывает.

— У тебя жёлтые глаза! — торжественно заявляет она. — Ты можешь смотреть на солнце, не обжигаясь. Я, например, так не могу. Зато я могу дуть на чай. У меня чёрные глаза.

— Но, Сяо, у меня зелёные глаза! Откуда там жёлтый цвет?

— Я не знаю, но зелёного там очень мало. Он ослеп или стал жёлтым.

— А я могу ослепнуть?

— А ты хочешь?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь? И вообще — сегодня ты картина. А картины не разговаривают. Так что не мешай смотреть.

— Картины, Сяо, разговаривают, и ещё как! Это я тебе как учитель говорю. А что я за картина?

— В тебе очень много воды. Так много, что тобою можно поливать цветы.

— А где ты видишь эту воду?

— Везде. В твоих глазах, часах, ладонях и словах. Ты картина о воде.

— А ты, значит, барахтаешься во мне? Плавать-то умеешь?

— Конечно, умею, ведь я самый большой в мире корабль. Моя команда черпает твою воду и поливает семь волшебных цветов, в которых живёт небо и сто миллионов человек.

— Радуга!

— Да... Мы должны поливать её каждый день, а то ты станешь землёй и мой корабль сядет на мель. И всё исчезнет.

— Тогда ты нарисуешь новую картину. И всё вернётся. На самом деле это «всё» не исчезает. Оно просто прячется. До поры до времени...

— Шу Мин! Юе Синь!

Подружки! Беги, Сяо, а я ещё посижу чуток. Хорошее это дело — сидеть на скамейке.

Холодает. Завтра надену свитер.

содержание

trivia

Три-вы-я	6
Задумался — а что я умею?	8
«Вот скажите — какая разница...»	9
Industrial	10
Реквием старому дубу	11
«Камень утонул...»	12
Детская считалка для взрослых	13
В темноте	14
Роза	15
Песчинка	16
Распродажа	17
В троллейбусе	18
«Я принёс подружке...»	20
Весна	21
Headlines	22
Восклицание	23
Во что ты веришь?	24
Пациенты	25
Черное Белое	26
Trivia	28

лаконики

Несколько слов	30
Сон	31
Деревянные птицы	32
В чужой монастырь... ..	33
Упражнение	35
Лу Лу	37

Два урока	38
Это такая примета	40
Дождь	41
Загадки	42
«Нет ничего такого, что было бы для меня слишком многим...»	44
Деревья	46
Кто самые одинокие существа в этом мире?	47
Падающие снежинки	48
Лу Лу и дождь	49
Джаз-клуб «Гвоздь»	50
Я хочу...	51

маленькая Сяо

Xiao Tian	54
Первая встреча	56
Радуга	57
День рождения	58
Самая грустная игра на свете	60
Кем ты хочешь стать?	62
Чего ты боишься больше всего на свете?	63
Сяо Тьен и jianzi	64
«А я умерла!»	65
Сон во сне	66
И птицы поселятся в волосах...	67
Птица	69
Кого ты любишь больше?	70
Наши скамейки	72
Лужа	73
Лунная соната	75
Сколько у человека имён?	78
Картина	80

дизайн серии и макет:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

редактор серии:

А. Переверзин

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru

о себе

Я родился в Литве, в Каунасе, где вырос и закончил Технологический университет. Шесть лет проработал менеджером по продажам. Мотался по белу свету. Ничего, кроме гостиниц, бумаг и самолетов, не видел. Дома почти не жил. Потом поступил в Литинститут, уволился с работы и уехал в Китай, в котором и обитаю по сей день. Работаю учителем в начальной школе. Преподаю английский, пью кофе и гуляю по утрам.

валерий халяпин валерий халяпин валерий халяпин валерий халяпин валерий халяпин
три-вы-я • три-вы-я • три-вы-я • три-вы-я